

ПРО ДИРИЖЁРА

ОГЛЯНИСЬ ВОКРУГ

Анастасия Челпанова

– Сегодня мы идём на концерт, ты не забыл? – поинтересовалась мама.

– Помню, – нахмурился я, – слушать Чуковского.

– Да нет же, опять ты его неправильно называешь. Не Чуковского, а Чайковского.

– Ну Чайковского... И почему сразу неправильно? Сказала бы – не совсем правильно.

– Нет же, совсем неправильно, – настаивала мама.

– Но почему? Я всего пару букв перепутал!

– Дело не в этом, – улыбнулась она. – Чуковский – это совершенно другой человек. Корней Иванович Чуковский – детский писатель, а Пётр Ильич Чайковский – композитор.

– Ладно, – вздохнул я, – согласен на «неправильно».

* * *

Под громкие аплодисменты на сцену стали выходить музыканты с разными инструментами в руках. Когда они все сели на свои места, вышел дирижёр в строгом чёрном костюме. Он поклонился залу, отвернулся, поднял руки... и вот полилась музыка. Красивые мелодии сменяли друг друга, инструменты играли то по отдельности, то вместе, сплетая из разных звуков музыкальные узоры. Каждый музыкант был внимателен и сосредоточен, каждый исполнял свою мелодию. Одно было мне совершенно непонятно: зачем нужен дирижёр? Он всего лишь беззвучно машет руками. Казалось – убери дирижёра со сцены, и ничего не изменится!

Я дождался антракта и подошёл с этим вопросом к маме.

– Ты, конечно, прав, – неожиданно начала она, – дирижёр сам ни на каких инструментах не играет, но именно он организует звучание всего оркестра. Вот представь, собрались музыканты, каждый взял в руки свой инструмент, приготовились играть... Но как им начать одновременно?

– Пусть кто-нибудь один скамандует.

– Хорошо. Но один музыкант начнёт играть быстрее, другой медленнее. Как быть?

ОГЛЯНИСЬ ВОКРУГ

– Надо потренироваться, чтобы получалось вместе, – объяснил я.

– Ладно, – не отступала мама, – они попробовали один раз, другой, третий, а потом кто-нибудь решил, что ему надоело.

– Так не годится, – деловито заявил я, – надо, чтобы все слушались.

– Слушались кого?

– Того, кого они сами выберут.

– Так вот, чтобы не было разногласий и споров, есть человек, которого все музыканты уважают и слушают, – это дирижёр.

Я задумчиво замолчал.

* * *

После концерта мы с мамой шли домой по аллее, освещённой фонарями. И вдруг я рассмеялся, да так громко, что сам вздрогнул от неожиданности.

– Ты что? – удивилась мама.

– Я тут про дирижёра вспомнил. Если он только начало музыки показывает, зачем же тогда всё произведение машет?

Мама тоже улыбнулась.

– Во-первых, он проверяет, правильно ли играют музыканты. Помнишь, перед каждым оркестрантом стояли специальные подставки – пюпитры, а на них лежали ноты. В этих нотах написана только одна мелодия, у каждого своя. А перед дирижёром лежала большая стопка нот, она называется партитурой, в ней записано, что и в какой момент должен играть каждый инструмент. Дирижёр смотрит в партитуру, показывает, какому инструменту в данный момент пора начинать играть, и проверяет, все ли играют то, что написано.

– Должно быть, это не очень просто, – вслух подумал я.

– А во-вторых, дирижёр показывает музыкантам не только «когда», но и «как» нужно исполнить мелодию. С тех пор как дирижёры на концертах стали дирижировать, стоя спиной к залу, был придуман...

– Подожди, – перебил я, – что значит стали дирижировать, стоя спиной... А раньше было не так?

– Да, сначала дирижёры стояли лицом к зрителям и спиной к оркестру.

– Здорово! – засмеялся я.

– Считается, что первым дирижёром, повернувшимся во время выступления лицом к оркестру, был композитор Рихард Вагнер. Дело в том, что музыка стала сложнее, контрастнее и дирижёру необходимо было подсказывать оркестрантам особенности исполнения каждой новой мелодии. Так вот, с этого момента был создан целый язык дирижёрских жестов, он включил в себя специальные движения, которыми дирижёр может общаться с музыкантами прямо во время концерта.

– Что же получается? Мы тут сидим и думаем, что дирижёр просто так руками машет, а он при помощи специального языка незаметно общается с оркестром?

– Да, так и есть.

– Ничего себе! – Я был потрясён. Дирижёр, только что казавшийся мне совершенно ненужным, вдруг предстал передо мной в обличи уважаемого человека, владеющего особыми знаниями.

– На самом деле всё, что он может показать, касается исключительно музыкального исполнения. Он говорит, кому играть тише, кому – громче; показывает, кто отстаёт, а кто торопится; старается изобразить руками и лицом общий характер музыки; может даже отругать кого-нибудь за плохую игру или похвалить за хорошую.

– А если все музыканты его понимают, значит они тоже владеют этим языком? – прищурился я.

– Думаю, да. Этого понимания они добиваются на многочисленных репетициях.

– Я понял, – тихо и задумчиво проговорил я, – вот, значит, что такое репетиция – это тренировка понимать друг друга, общаясь на неизвестном языке!

– Ну, в каком-то смысле да, – неуверенно ответила удивлённая таким выводом мама.

